

УРАГАН, СТИХИЯ, ТАНЕЧКА...

«Длительность собственной жизни — нет, ее нельзя вручать человеку, Нельзя даже намекать ему, какова она. Представьте себе, что вы точно узнаете: жить вам отмерено — ну, шестьдесят три года».

Т. Москвина. Хорошая жизнь и прекрасная смерть господина Д.

Родные называли ее Танечкой... Посторонние, наверное, удивились бы. Крупная, яркая, резкая, бескомпромиссная женщина. К тому же прославленный театровед, критик, писатель. Татьяна Владимировна Москвина. Могла так ответить, что человек цепенел. Остроумная, желчная, не знавшая берегов в своих пристрастиях — симпатиях и антипатиях. Такой человеческий ураган, стихия... И вдруг «Танечка»...

Родившаяся в 1958 году Татьяна Москвина принадлежала к поколению семидесятников. Это поколение уже не имело иллюзий шестидесятых годов, но искало подлинные ценности за пределами материального мира. Одна из ее сокурсниц по театроведческому факультету вспоминает, как увидела на двери аудитории объявление об отмене занятий по научному атеизму с припиской рукой Татьяны: «потому что Бог есть». Проблема подлинных ценностей, определяющих жизнь и мировоззрение человека, станет главной темой всего творчества Татьяны Москвиной, касается это содержания спектаклей, которые она станет анализировать, или ее собственной прозы. Жизнь человека — искателя подлинности, со всеми трудностями этого пути, ошибками, взлетами и падениями — тема ее собственной жизни. Ее строптивое перо полюбились читателю, правда, как и она сама, вызывая целую гамму чувств. От восторгов до возмущения. Удивительно, как по-разному ее понимали! Сходились, пожалуй, только в одном: все признавали ее большое дарование. Виртуозное владение пером, остроумие, сарказм, а рядом поразительная нежность и проникновенность. Как было против этого устоять?

Судите сами. Вот она размышляет о душе в своем пер-

вом прогремевшем романе «Смерть — это все мужчины» (2004): «Что она такое? Совокупный портрет, рисуемый тысячами, изображает нам ее прелестной юной женщиной, чей земной удел — скитаться и страдать. Шалуныя-девочка, душа, Психея, Псиша. У Псишты врагов, но она непобедима. Псишу предает даже возлюбленный Амур, но она не умеет не любить. Она может заплутать и свалиться в дебри падших миров, где продолжает любить, плакать, болеть, делать глупости, жалеть, надеяться, верить, ожидать, умолять и тревожиться. Это Псиша вышивала иконы золотыми и серебряными ниточками, по сантиметру в день, и пела чистым тоненьким голосом о садах небесных и цветах лазоревых. Это Псиша тихо говорила умирающим солдатикам — «Потерпи, миленький», положив прохладную ладошку на разгоряченный мужской лоб. Это Псиша, в извечном ожидании любимого, плела кружева и сочиняла дивные грустные песенки, которые в русской традиции так и называются — «страдания». Татьяна Москвина защищала поруганную женственность в цивилизации мужского шовинизма, и тысячи читательниц были ей за это благодарны.

Будучи пристрастным театральным критиком, она вела борьбу за реалистический театр консервативных ценностей и стиля. Борьбу, которой она была предана, может быть, вопреки бегущему времени, но служила этому как рыцарь-романтик. Мысль о необходимости национальной самобытности театра завела ее значительно дальше применения на сцене обычных стилистических приемов, рассорила с бывшими единомышленниками. Но и в этом она была по-своему ис-

кренна. Ее резкий критический ум не позволял удовлетворяться поверхностным в искусстве, искал высшего смысла, и ее заносило, как многих страстных людей. Но она ставила вопросы, требовала неуютных ответов, и, даже не соглашаясь с ней, ты все-таки задумывался о происходящем не только в искусстве.

Она любила Комарово и часто в нем бывала, жила месяцами, хотя и называла это место «загробным царством». Ей там хорошо работалось и дружилось. Она обожала Щучье озеро, сосны и тишину. Она ощущала присутствие великих теней художников, населявших Комарово, она что-то воспринимала от них. В комаровском некрополе похоронены многие ее учителя по Театральному институту, в том числе ее обожаемый наставник Евгений Калмановский, которому она посвятила проникновенные страницы своего автобиографического романа «Жизнь советской девуш-

ки». Роман — путешествие в прошлое, начиная с детства, колоритные фигуры и описания советского быта и среды, в которой она росла. Многие читатели благодаря перу Москвиной вернулись в свое детство и юность, ее память предметна и сохранила много нюансов уже ушедшей жизни, которую она и любила, и ненавидела, и восторгалась ею, и печалилась. Вся палитра темперамента яркой и противоречивой натуры сказала в этой книге. И еще это очень женское высказывание, накал чувств не остыл, он по-прежнему извергается в текст, сохраняя пылкость и нежность к пережитому. В ней, писателе и человеке, взрослой женщине, продолжала жить девочка Танечка, любившая и боявшаяся свою грозную бабушку, «почетного чекиста» в прошлом; страдавшая от разлада родителей и расставания с отцом, от грубости нравов своей среды. О своих переживаниях она рассказала с бесстрашной откровенностью,

столь для нее характерной, вызывая сопереживание и уважение читателя. Любя и перечитывая русскую классику, особенно Лермонтова и Достоевского, она унаследовала особое качество этой литературы — беспощадную способность не щадить себя.

Татьяна Владимировна Москвина умерла неожиданно и очень быстро. Настоящим потрясением было увидеть в ее давней пьесе «Хорошая жизнь и прекрасная смерть господина Д.» роковую цифру ее возраста — шестьдесят три года, отпущенные ей судьбой. Она предвидела, как часто предвидят крупные художники, дату своего ухода в вечность.

Теперь этот гордый и нежный, неистовый дух растворился в июльском теплом ветре, успокоился, замер, оставив нам книги, в которых он по-прежнему бушует, жалуется, вопрошает, собирая сочувствующих читателей, чем-то с ним схожих и благодарных за это родство.

Ирина Снеговая

